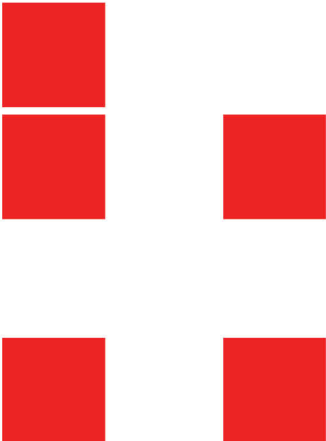

Биографический отдел

Сейчас иногда на какой-то ^(-кибур) вопрос отвечают
распространённой шуткой: „ОТКУДА Я
ЗНАЮ – МОЖЕТ, ТЫ ШПИОН?“

Биографический отдел

Воспоминания дипломницы Р. Г. Назирова

С. С. Гаврилова,
выпускница БГУ 1995 года
МБОУ Школа № 85 г. Уфа

Так случилось, что самый яркий след в моей студенческой жизни оставили 2 человека — Л. Г. Бараг и Р. Г. Назиров. Но жизнь Л. Г. Барага так нелепо оборвалась, а с Ромэн Гафановичем мне посчастливилось долго общаться. Началось с того, что на 2 курсе нам нужно было писать курсовую работу по русской литературе XIX века. И я пошла на кафедру. В этот день там находился только один Ромэн Гафанович, предложил сесть, начал расспрашивать обо мне, потом спросил, какой больше поэт или писатель нравится. И сейчас уже не помню, на какую именно тему я писала. Но это был Гоголь. Р. Г. накидал мне примерный план, посоветовал литературу, и через месяц я к нему пришла уже с готовой работой. Помню, что мне ее зачли сразу. И когда я пришла уже с зачеткой, Р. Г. спросил, не хотела бы я продолжить тему Гоголя. . . К выпускному курсу мне уже было понятно, что диплом я пойду писать только к нему, его лекции завораживали, мягкий голос и его повадки настоящего джентльмена кружили голову. «Ловелас и франт, но ведь он талант», — эти строчки из студенческой стенгазеты я помню до сих пор.

И вот начался процесс подготовки к диплому на тему: «Русский человек будущего в представлении Гоголя». В первый раз мы долго сидели на кафедре. Р. Г. долго рассказывал мне что-то о Гоголе, дал список литературоведов, которые я должна была изучить. И вот через некоторое время он приглашает меня с черновой работой к себе домой. . . Я жила в студенческом общежитии, рядом с его домом на улице Пушкина, мимо которого до сих пор прохожу с замиранием. Старая, давно не видевшая ремонта двухкомнатная квартира. Но сколько книг вокруг. . . Они лежали всюду: где-то с закладками, где-то открытые, на журнальном столике у дивана кipa бумаг. . . Такой и должна, видимо, была быть квартира у настоящего советского ученого. Р. Г. просматривал написанное мною, правил мало, но если замечал грамматическую ошибку, недовольно морщился и говорил что-то резкое. Это приучило меня тщательно выверять то, что я пишу. Потом мы много говорили о том, что прочитала, что думаю. Всегда складывалось впечатление, что мы не научную работу пишем, а ведем светскую беседу. . . шутил как-то больше «по-литературному»: очень любил цитировать Булгакова, тогда еще мы его только открывали для себя. . . И вот, когда мне уже казалось, что моя дипломная работа идет к завершению, он начал говорить о существующей

в литературных кругах совершенно противоположной точке зрения на творчество Гоголя и при этом дал мне 3 книги из своей личной библиотеки для изучения. Помню, что прочтя их, я ужаснулась: как я могла так жестоко ошибаться... и, придя к нему в очередной раз, сказала об этом. И тогда он сказал: «Теперь Вы знаете два взгляда на одну и ту же проблему, теперь я жду Вашего личного ответа... подумайте, через недельку приходите ко мне со своим планом работы». Через неделю он мой план в целом одобрил, и я второй раз (!) начала писать дипломную работу. Сказать к слову: он очень четко ставил сроки, многие мои одногруппники еще не начинали писать или еще возились со вступлением, а я уже шла по второму кругу, чем вызывала сочувствие у своих подруг. И вот счастливый день настал: он разрешил мне отдать в печать диплом. Мы умудрились его написать за месяц до защиты!.. И когда у всех шла дипломная и экзаменационная горячка — я уже спокойно пару раз пришла побеседовать к нему о дипломе. Защитила его на отлично: трудно было «завалить» меня, мне казалось, что я помню все наизусть. После защиты я пришла к Р. Г., и он сказал мне: «Диплом был написан на отлично, но я боялся, что Вы с Вашей неуверенностью можете все испортить». Мы вновь сидели в зале, заваленной книгами, и Р. Г., расспрашивая меня о дальнейших планах, спросил, не хотела бы я в дальнейшем написать диссертацию на эту тему. И тут же с ходу предложил: «Мы могли бы написать диссертацию на тему “Мечта Гоголя о человеке будущего”». Но я тогда отказалась... и только через года два, встретив его случайно на улице, дала согласие придти обсудить этот вопрос. И вновь я в его квартире... Вижу на столе какую-то книжку из области ширпотреба. Смотрю в недоумении на книгу и на него... он так спокойно отвечает, что иногда, чтоб разгрузить мозг от умных книг и обилия информации, нужно почитать какую-нибудь глупость. И вот мы приходим к решению, что начнем писать диссертацию на ту тему, которая вытекает из моего диплома. Организационные вопросы решались по ходу и не совсем серьезно, вроде куда-то записал меня слушателем, пока не афишировал, он никогда не торопился в таких вопросах, я кандидатский успела сдать до его смерти и обозначиться на кафедре как-то со своей работой. К тому времени из бесед с Р. Г., чтения различных монографий я уже уяснила, что человек будущего в представлении Гоголя — это некий сплав гения Пушкина и предпринимателя Чичикова. Но диссертацию мы начали писать с исследования творчества В. Ф. Одоевского и декабристов. Под руководством Р. Г. успела опубликовать в Бельских просторах (№ 9, 2002 г.) статью «Мечта Гоголя о человеке будущего».

Я помню, что когда я что-то из диссертации зачитывала на кафедре, на меня так налетели, чуть не порвали, да и ему досталось: Р. Г. вышел смущенный... говорит... ничего-ничего... поправим.

И вот кто-то из однокурсников мне позвонил на работу и сообщил, что Р. Г. умер... Я испытала шок: он, конечно, не был молод, но всегда подтянутый, моложавый, спокойный, хотя на кафедре ох какие иногда баталии были... и дома уже он был часто один. Видимо, он страдал от чего-то — но он никогда не делился своей личной жизнью, хотя интересовался всем, что меня касается: спрашивал о муже, детях, учениках, коллегах... Помню я рассказала

о своей коллеге, которая заменила уроки по Шекспиру Мустаем Каримом, поскольку уже требовали этот пресловутый национальный компонент, и он оживился. Говорит: «Дайте-ка мне бумагу быстрее. Я запишу этот анекдот».

На гражданской панихиде в БГУ профессор из БГПУ пообещала, что все наследие Ромэна Гафановича будет опубликовано, все его работы с дипломниками и диссертации доведут до конца. К ней-то я и пришла. . . но через некоторое время получила ответ, что у нас такими вопросами не занимаются, чтоб я искала научного руководителя в Екатеринбурге или Челябинске. . . Но что могла в это время позволить себе скромная учительница русского языка с двумя детьми! И все ушло. . . в связи с многочисленными переездами утеряны, а, может быть, и выкинуты наброски, и только память хранит прищур теплых глаз Романа Гафановича сквозь толстое стекло его очков, осталась одна книга В. Ф. Одоевского из его личной библиотеки, которую я не успела вернуть, и любовь к Гоголю, ко всей русской литературе.

